

Дедушка и Чэн Баоцзюнь продолжали курить, совершенно не обращая внимания на приезд трёхлетнего Чжэн Хайяна, не потушили сигареты и не открыли окна для проветривания. Чэн Баоя и бабушка тоже не проявили такой осторожности. Чэн Баоли в этой напряжённой атмосфере не смогла вымолвить ни слова и в конце концов сама пошла открывать окно за кроватью, чтобы проветрить помещение.

Чжэн Хайян иногда действительно думал, что его мама в родном доме просто страдала. Бабушка её не любила, дядя тоже не любил, больше всего она любила старшую дочь и её семью. Мама в родном доме не имела никакого веса, в отличие от тётки. Дочь приехала с маленьким сыном, а никто даже не поздоровался, не предложил взять ребёнка на руки или принести стакан воды. Видя такое отношение родни, Чжэн Хайян особенно жалел свою маму.

Сначала Чжэн Хайян не понимал, в чём дело, но сейчас, глядя на эту неловкую атмосферу и сцену, он быстро вспомнил: неужели это тот самый случай, о котором его отец в прошлой жизни случайно упомянул — ссора из-за дома между братом и сестрой?

Его бабушка и дедушка работали на трансформаторном заводе, где полагалась льгота — выделение жилья. Однако из-за нехватки средств выделили только землю, а материалы, такие как песок и цемент, нужно было закупать самостоятельно. Обычные рабочие в то время такой льготой не пользовались, но ситуация бабушки Чжэн Хайяна была исключительной — родной отец Чэн Баоли, то есть первый муж бабушки, был редкостью в те времена, студентом, которого отправили на строительство в Синьцзян, где он погиб в результате несчастного случая. Трансформаторный завод, сочувствуя вдове, выделил ей участок.

Дома не было, был только небольшой участок земли, небольшой, но с полным пакетом документов. Нужно было самим найти людей, завезти песок и цемент и построить дом. На этом участке можно было возвести двухэтажный дом с отдельным двором. Именно из-за этого дома семья дяди и семья тётки Чжэн Хайяна окончательно поссорились.

Как именно всё происходило, Чжэн Хайян не знал, но он знал результат — в итоге дом достался семье тётки. Двухэтажный дом сначала был ветхим, но в 2007 году его отремонтировали, и он уже начал напоминать виллу. К 2013 году это был уже особняк стоимостью в миллион.

Отец Чжэн Хайяна, Чжэн Пин, в прошлой жизни жаловался, что изначально при разделе дома их семьи это не касалось, но мама упорно вмешалась, помогая тётке. В итоге она не только рассорилась с семьёй дяди, но и бабушка потом обвинила её: именно из-за её вмешательства Чэн Баоцзюнь и Чэн Баоя поссорились так сильно.

Поплакав, припав к столу, жена дяди наконец успокоилась, подняла лицо и вытерла глаза и нос рукавом. Чэн Баоцзюнь сидел рядом, молча курил, а увидев, что жена перестала плакать, поспешно протянул ей платок.

После волны истерики и брани тётка сменила тактику:

— Мама, насчет раздела дома это не то, чтобы я как невестка обязательно требовала чего-то, но ты же посмотри на ситуацию с Баоцзюнем и мной сейчас. Мы живём в этой ветхой квартире, когда льют сильные дожди, она течёт, зимой холодно, летом жарко, и мы с Баоцзюнем сейчас боимся завести ребёнка. Ты же говоришь, что когда будет ребёнок, ему жить в этой развалине? Родной отец Баоцзюня ушел рано, Баоцзюнь считается единственным сыном в семье Чэн, продолжателем рода, вы не могли бы ещё раз подумать?

Бабушка Чжэн Хайяна сидела на краю кровати. Невысокая, чуть выше полутора метров,

женщина средних лет сгорбилась, медленно раскачивая ногами. Она молчала, хмурая и немногословная. Её нынешний муж курил в стороне: в конце концов это была сводная семья, и дом не выделяли ему, поэтому он тоже не мог ничего сказать.

Увидев, что бабушка молчит, тётя направила острей разговор на Чэн Баоя:

— Сестра, твой муж сейчас служит в другой провинции, и даже если он вернется после увольнения, армия разве не позаботится о нём, не даст квартиру и не устроит на работу? Ты можешь понять наше с Баоцзюнем положение? Тот старый домик ты видела, мы реально не можем завести ребёнка! Я не говорю, что хочу что-то отнять, мы же родные люди. Если бы у меня тоже была квартира, не эта дыра от винного завода, я бы сейчас не сидела здесь и не говорила всё это.

Чжэн Хайян мало общался с родственниками со стороны матери, но о положении семьи дяди и тётки он знал хорошо. В начале нулевых они действительно жили в старой квартире на каменной улице, и только в 2004 году смогли купить своё жильё, всю жизнь тяжело работая, а деньги в итоге ушли на квартиру.

Чэн Баоя молчала, мать и дочь обе молчали, двое мужчин на той стороне тоже молчали. В итоге тётя, не видя иного выхода, обратила свой полный надежд взгляд на вторую сестру, Чэн Баоли, в ожидании, что та что-то скажет.

Чэн Баоли, держа на руках сына, чувствовала себя некомфортно под этим пристальным взглядом. Она перевела глаза на Чэн Баоя: с детства они были близки. Отношения Чэн Баоя и Чэн Баоли были похожи на отношения генерала и солдата: если Чэн Баоя говорила идти на запад, Чэн Баоли ни за что не пошла бы в другую сторону.

В этом вопросе Чэн Баоли, естественно, была на стороне более близкой сестры. С детства она не имела веса в семье, но её сестра имела. Следуя за Чэн Баоя, Чэн Баоли иногда тоже ощущала свой статус и значимость. Эмоционально она была на стороне Чэн Баоя, но и положение Чэн Баоцзюня она понимала: жизнь супругов и правда была тяжёлой, квартира, выделенная винным заводом, была просто ужасной.

Чэн Баоя незаметно толкнула Чэн Баоли, и та, колеблясь, начала говорить:

— Я думаю, что этот дом, конечно...

Чжэн Хайян мысленно выругался: всё плохо. Его мама, любившая искать страдания в родном доме, собиралась начать строить из себя важную даму и вмешиваться. А эта тётка действительно хитрая: сама не высказывается, а использует родную сестру как щит. Чего стоит Чэн Баоли что-то сказать, разве дядя с тёткой потом не возненавидят её маму до смерти?

Чжэн Хайян так подумал и тут же воспользовался привилегией трёхлетнего ребёнка:

— Мама, мама, я хочу писать...

В тот момент, когда Чэн Баоли произнесла только половину фразы, Чжэн Хайян решительно и громко закричал, перебив её слова.

Однако слова женщины вырвались слишком бегло, как на родном диалекте. Даже если Чжэн Хайян кричал громко, из детского голоса всё равно можно было разобрать её решение, и остановить это было невозможно!

— Конечно же, моей сестре! У тебя то есть квартира, а у моей сестры в Ланьане даже жилья нет.

Чжэн Хайян: «...» Мамочка, ты так очевидно используешься другими как пушка, и ты совсем ничего не чувствуешь? Я перед тобой в пояс кланяюсь.

Как только эти слова прозвучали, на фоне криков Чжэн Хайяна тётя с потрясением смотрела на трёх женщин, сидевших у кровати. В чём их семейное положение — любому очевидцу было ясно, эта семья что, все слепые? Как можно было такое сказать? За что ей досталась такая семья!! В тот раз она действительно ослепла!!

Едва успокоившаяся женщина больше не могла усидеть на месте, резко вскочила и бросилась на Чэн Баоли. Чэн Баоли в тот момент опустила голову, успокаивая сына на руках, и когда она подняла взгляд, ей уже хлестнули по правой щеке — пощёчина, жгучая боль.

Чэн Баоцзюнь и дедушка поспешно встали враспяжку, удерживая её. Тётя плача и кричала:

— У тебя вообще есть совесть? Как ты можешь говорить такое? У тебя есть служебное жильё, ты удачно вышла замуж, и ты не можешь меня видеть в хорошем свете? Чэн Баоли, ты мёртвая женщина, я ненавижу тебя, ненавижу!!

Чжэн Хайян опешил, поспешно поднял маленькую ладошку, закрывая лицо мамы:

— Мама, мама, домой, мы пойдем домой. Сейчас нужно скорее возвращаться, к бабушке в гости лучше вообще больше не ходить, что за бардак!

Чэн Баоя сбоку полубняла Чэн Баоли, холодным взглядом косилась на тётю, но при этом торопливо говорила:

— Баоли, тебе ничего, тебе ничего?

Бабушку Чжэн, уставшую от всей этой возни, после обеда так и не отпустившую, сейчас, видя, что Чэн Баоли ударили, невольно пробормотала:

— Кто тебе велел сегодня сюда приходить, если делать нечего? Получила пощёчину? В выходной разве нельзя было дома посидеть с ребёнком? Зачем сюда пришла?

<http://bllate.org/book/16484/1497810>